

- ⁹ *Kuiper F. B. J.* Four Word Studies. — IJ XV, 1973, 184; ср.: *Wackernagel J., Debrunner A.* Op. cit. II, 2. 665.
- ¹⁰ *Havers W.* Zum Bedeutungsgehalt eines indogermanischen Suffixes. — *Anthropos* XLIX, 1954, 202.
- ¹¹ *Schmid W. P.* Vedisch imaha und Verwandtes. — IF LXII, 1956.
- ¹² *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980, 20 и сл.
- ¹³ *Kuiper F. B. J.* Op. cit., 184.
- ¹⁴ См., например: *Berneker I.*, 137; ЭССЯ 4, 22 (с литературой).
- ¹⁵ Здесь, возможно, надо добавить фриг. $\alpha\epsilon\zeta$ (= *aes*) 'он делал' (?). См.: *Kronasser.* Op. cit., 181.

В. Э. Орел

АЛБ. *ha*, *hëngra*

Этимологическое истолкование алб. *ha* '(я) ем' и его аориста *hëngra* '(я) ел' не только имеет самостоятельную научную ценность, но и способно, как станет ясно в дальнейшем, привести к существенным выводам относительно ареально-генетической характеристики албанского языка или опровергнуть их — в зависимости от того или иного этимологического решения.

То обстоятельство, что алб. *ha* является неправильным глаголом с весьма сложной и нестандартной парадигмой (помимо приведенных выше основных форм, укажем еще страдательное причастие *ngrënë*; имперфект, как и в других случаях, образуется от основы настоящего времени)¹, естественно, привлекло внимание этимологов и компаративистов. Первым, кто обратился к анализу алб. *ha*, *hëngra*, был Ф. Бопп². Поскольку никто из ученых, в дальнейшем исследовавших это слово, по-видимому, не опирался на наблюдения Ф. Боппа и даже не упоминал их, здесь целесообразно вкратце изложить его точку зрения, в значительной части своей сохраняющую актуальность.

Рассматривая форму аориста *hëngra*, Ф. Бопп членит эту «единственную в своем роде форму»³ на элементы *hë-* и *-ngra*, причем распознает в последнем («за вычетом назального форшлага»⁴) соответствие др.-инд. *girāmi* '(я) глотаю', т. е. и.-е. **g^wer-* то же. Тот же корень Ф. Бопп выделяет и в причастии *ngrënë*. Не соответствующее современному пониманию сравнительно-исторической фонетики далее привело Ф. Боппа к выводу, что начальный слог в аористе *hëngra* представляет собой результат редупликации **g^wer-*, которое в том же виде отражено, по его мнению, и в форме настоящего времени *ha* (характерно, что *-h-* Ф. Бопп понимает как *aspirata*).

В настоящее время из всей этой, довольно сложной этимологической конструкции может быть принято прежде всего возведение сегмента *-gr-* в *hëngra* к и.-е. **g^wer-*⁵. Именно эту (безусловно верную) точку зрения полвека спустя положил в основу своего анализа Х. Педерсен, обращаясь к анализу некоторых албано-армянских схождений⁶. Х. Педерсен, однако, пошел существенно дальше

Ф. Боппа, целиком сопоставив аористные формы арм. *eker* '(я) ел' — алб. *hëngra*. Тем самым было высказано предположение о том, что *hëngra* представляет собой древнюю реликтовую форму, сохранившую в албанском приращение и потому уникальную. Начальное *h*-при этом понималось как довольно характерная для албанского протеза ⁷.

Возможные последствия существования в албанском (пусть даже единичного) случая сохранения аугмента для определения места албанского в кругу других индоевропейских языков были осознаны значительно позже. Серьезное внимание обратил на это В. Пизани, который — хотя и весьма сдержанно — связал гипотезу Х. Педерсена с некоторыми другими албанскими фактами (в частности, с отражением в албанском индоевропейского отрицания **mē*), указывающими на близость албанского к армянскому, греческому и индоиранскому ⁸.

Полностью гипотеза Х. Педерсена была воспринята В. В. Ивановым, дополнившим ее положением о том, что начальное *h*- в *hëngra* прямо продолжает и.-е. **h*₁ (в связи с более глубокой реконструкцией для аугмента прототипа **h*₁*e*) ⁹.

Результаты, полученные при попытках этимологического осмысления формы настоящего времени *ha*, были если и не менее яркими, то, во всяком случае, менее существенными для ареально-генетических выводов. В то же время чисто фонетические трудности, возникающие при объяснении этого короткого слова, вполне очевидны. Именно ими объясняются как сложные и малоудачные этимологические решения Ф. Боппа, так и практический отказ от этимологии у ряда его современников ¹⁰. То обстоятельство, что начальное алб. *h*- может отражать, преимущественно, лишь и.-е. **sk*- и **ks*-, вызвало к жизни этимологии Г. Мейера (*ha* сопоставляется с др.-инд. *khādati* '(он) ест', но для анлаута в *ha* предполагается *s* mobile) ¹¹ и В. Пизани (*ha* возводится, в конечном счете, к и.-е. **ghes*-, ср. др.-инд. *ghas*- 'есть, питаться', но для *ha* постулируется нулевая ступень огласовки корня **gzh*-) ¹²; каждое из этих решений имеет и некоторые достоинства, и вполне очевидные слабости, довольно ясно показывая, что проблема албанского *ha* может, по независящим от этимологии причинам, еще долгое время оставаться неразрешенной ¹³.

Предложенное в самое недавнее время сравнение *ha* и тохар. *śwā*- 'есть' ¹⁴ должно быть отклонено, поскольку *śwā*-, как показал Х. Педерсен, восходит к и.-е. **g(i)eu*-, **ǵ(i)eu*- 'жевать' ¹⁵, а начальное **g*, **ǵ* или тем более **ǵi*-, **ǵi*- ни при каких условиях не могли отразиться в алб. *h* ¹⁶. Этого соображения достаточно, чтобы опустить здесь разбор несогласующегося с тохарским албанского вокализма в *ha*.

Не претендуя на окончательное решение в том, что касается формы настоящего времени (это, как было сказано выше, не более, чем частная этимологическая проблема), мы считаем весьма важным рассмотрение вопроса об аористе *hën-gra* и о том, действительно ли отражен в *hëngra* аугмент. Решение этого вопроса в ту или иную сторону не только может оказаться важным для характеристики албанского

как одного из индоевропейских диалектов, но и в значительной мере предопределяет концепцию албанской глагольной морфологии в ее диахроническом аспекте.

Нарушая хронологический порядок, рассмотрим прежде всего предположение о сохранении в начальном *h*- слова *hëngra* ларингального **h₁*. В основе этой гипотезы лежат два допущения: одно из них — о возможности реконструировать для аугмента исходный вид **h₁e* — находится, естественно, за пределами данной работы. Другое представляет собой теорию Э. Хэмп, пытавшегося систематически доказать, что албанский отразил некоторые ларингальные в виде *h*-¹⁷. Э. Хэмп, однако, не смог привести в пользу своей точки зрения сколько-нибудь убедительных доказательств, поскольку, по его мысли, в албанском в виде *h*- сохранился как раз тот ларингальный, который никак не отразился в хеттском, и наоборот. Методически несостоятельная, эта концепция еще могла бы быть поддержана этимологически убедительными сопоставлениями, однако они в рассматриваемой работе отсутствуют или немногочисленны. Примером может служить алб. *hedh* '(я) бросаю', со времен Г. Мейера относимое этимологами, включая, кстати, и самого Э. Хэмпа¹⁸, к и.-е. **skeud-*, ср. germ. **skeutan*, англ. *to shoot* со значениями 'быстро двигаться, толкать', далее — 'стрелять'. Пытаясь доказать свой тезис, Э. Хэмп сравнивает *hedh* с греч. *ἄϋθ* 'толкать, вести'¹⁹ и под. Это, однако, исключено, так как для пары *hedh* — аор. *hodha* бесспорно восстанавливается чередование в корне **e(u) : *ē(u)*. Мы ограничиваемся здесь лишь одним примером, поскольку весь материал и вся совокупность аргументов Э. Хэмпа уже критически рассмотрены Л. Г. Герценбергом, опровергнувшим теорию Э. Хэмпа в целом²⁰. Логических оснований для реконструкции ларингального в этом слове нет.

Следующий вопрос, который заслуживает рассмотрения, — это вопрос о морфемном составе *hëngra*, в частности, о «назальном форшлагге» (если пользоваться выражением Ф. Боппа) и его роли в слове. Существование причастия *ngrënë* (албанское причастие парадигматически связано с системой аориста) и соотносительного с *ngrënë* глагола *grij* 'резать или разбивать на мелкие кусочки, разрушать, изгрызать, разъедать, поедать'²¹, также восходящего к **g^{er}-*, позволяет ответить на этот вопрос со всей определенностью: элемент *-n* в *hëngra* является закономерным и типичным для албанского глагола отражением индоевропейского префикса **en*, ср. пары *dal* 'выходить, возникать' — *ndal* 'останавливать', *dritë* 'свет' — *ndrit* 'сиять' и т. п.²²

Как нетрудно заметить, этот факт, подтверждаемый имеющими массовый характер соотношениями в албанском глагольном словообразовании, вступает в непримиримое противоречие с гипотезой Х. Педерсена. Можно было бы в этой связи указать на некоторые фонетические соображения (неожиданное поведение **e* аугмента перед другим гласным), однако они излишни ввиду более существенного обстоятельства морфологического характера: гипотеза Х. Педерсена означает, что в *hëngra* аугмент предшествовал префиксу **en*. Между тем хорошо известно, что аугмент всегда стоит непосред-

ственно перед. . . глагольной формой»²³, следовательно, после префикса (когда он есть), и это подтверждается не только данными хорошо изученных индоевропейских языков, но и, например, свидетельством фригийского, где также имеется приращение²⁴. Из сказанного следует, что в *hëngra* нет следов аугмента и что гипотезу Х. Педерсена принять нельзя.

Каким же образом можно объяснить *hë-* в *hëngra*? Представляется вполне вероятным, что ответ на этот вопрос прямо связан с супплетивными отношениями внутри парадигмы *ha* — *hëngra*²⁵. Выражаясь более точно, соответствие тоск. *hëngra* — гер. *hângra*, допускающее реконструкцию предшествующего (общеалбанского) состояния **hangra*, наводит на мысль о том, что появление *hë-* (общеалб. **ha-*) в *hëngra* (общеалб. **hangra*) объясняется тенденцией к устранению супплетивизма и служит объединению форм настоящего времени и аориста на правах производных одного «корня» — *ha-*. Таким образом, инициальное *hë-* в аористе является незтимологическим или, точнее, народно-этимологическим образованием. Подобное «скрещивание» в пределах супплетивной парадигмы, разумеется, не является каким-то исключительным явлением: в качестве примера можно указать на ср.-англ. *geode* 'шел', контаминацию соответствующего инфинитива (ср.-англ. *gān* 'идти') и основной формы претерита — *ēode*²⁶. Следовательно, обращаясь к реконструкции, мы можем элиминировать указанную контаминацию и восстанавливать аористную форму **ngra*, относящуюся к причастию *ngrënë* в целом так же, как и в парах *zë* '(я) захватил' — прич. *zënë*, *dháshë* '(я) дал' — прич. *dhënë* и т. п.

Основной вывод настоящей работы — отсутствие аугмента в *hëngra*. Это, однако, не означает, что в албанском языке вообще нет следов аугмента; представляется, что поиски тех или иных рефлексов приращения полностью не исключены. С этой точки зрения вызывает интерес, в частности, сигматический аорист *dhashë* '(я) дал', восходящий к и.-е. **dō-* 'давать' (настоящее время в албанском образовано от другой основы — *(i)ap* '(я) даю'). Развитие начального **d-* > алб. *dh-* имеет аномальный характер, что уже вызвало попытку объяснить его появление через сандхи²⁷, что, однако, решает проблему лишь в самом общем плане. Поскольку в интервокальной позиции переход и.-е. **d* в алб. *-dh-*, напротив, вполне закономерен²⁸, представляется возможным предположить, что в данном случае интервокальная позиция обеспечивалась присутствием аугмента, который затем должен был исчезнуть в безударном положении. Тем не менее, окончательное решение невозможно за отсутствием других примеров.

Гипотеза Х. Педерсена об аугменте в алб. *hëngra* должна быть отклонена. Вопрос же о следах аугмента в албанском остается открытым.

¹ Сведения о парадигме *ha* в литературном языке и диалектах см. в следующих грамматиках и словарях: *Leotti A. Grammatica elementare della lingua albanese (dialetto toscano)*. Heidelberg, 1915, 150; *Cipo K. Gramatika e gjuhes shqipe*

- për klasat e V^{ta} VI^{ta} VII^{ta} të shkollave shtatëvjeçare. Tiranë, 1949, 208; *Mann St. E.* An Historical Albanian-English Dictionary. London—New York—Toronto, 1948, 151, 154, 158 (далее — *Mann Dict.*); *Kristoforidhi K.* Fjalor shqip-greqisht. Tirana, 1961, 131; *Leotti A.* Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937, 322.
- ² См.: *Vopp F.* Über das albanesische in seinen Verwandtschaftlichen Beziehungen. Berlin, 1855, 82.
- ³ Ibid.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Мысль Ф. Вуппа о связи форм *ha* и *hëngra* (разумеется, в ином ключе) будет обсуждаться далее.
- ⁶ См.: *Pedersen H.* Albanesisch und Armenisch. — KZ, 1899, XXXVI, 341 (далее — *Pedersen Alb.*).
- ⁷ В целом, протетическое *h-* в албанском — нередкое явление, ср. например, варианты *arushë* и *harushë* 'медведица', *arrë* и *harrë* 'орех' и т. п. Вместе с тем возможна и утрата непротетического *h-*, ср. уже у Гьона Бузуку *uaj* = совр. *huaj* 'чужой', см. *Mann Dict.*, 162.
- ⁸ См.: *Pisani V.* Saggi di linguistica storica. Scritti scelti. Torino, 1959 (далее *Pisani Saggi*).
- ⁹ См.: *Иванов В. В.* Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков. — В кн.: *Васалица.* Лингвистические исследования. М., 1979, 59; *Он же.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, 185 (далее — *Иванов Глаг.*).
- ¹⁰ См., например: *Гильфердинг А.* Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1853, 27.
- ¹¹ Этимология Мейера (*Mejer*, 144) не рассмотрена Чабсем, оставившим за пределами своего словаря *ha* и традиционно трактующим *hëngra*, см.: *Çabej E.* Studime gjuhësore. Prishtinë, I, 1976, 306.
- ¹² См.: *Pisani Saggi*, 110, вслед за Бругманом (*Brugmann Grundriß I*, 759). Суть этой этимологии, очевидно, в том, чтобы возвести *ha* к праформе с консонантным комплексом, развивающимся в албанском в *h* (**gzh-*, как **ks-*). Поэтому неверно думать, что Пизани возводил *h* «к звонкому индоевропейскому гуттуральному» (см. *Иванов Глаг.*, 185) — такого развития в начале слова албанский не знал.
- ¹³ Перспективнее других гипотеза, согласно которой *ha*, ст.-алб. *a* восходит к **odō*, от и.-е. **ed-* 'есть' (*Pedersen Alb.*, 401; дальнейшее обоснование см.: *Cimochowski W.* Zur albanischen Wortforschung. — LP, IV, 1953, 198—199). Такая реконструкция предполагала бы исключительное совпадение албанской и армянской форм по тембру корневого гласного. Не исключено, однако, что *ha* продолжает не **odō* (так как интервокальное **-d-* выпадало в позиции п е р е д старым ударением, см.: *Орел В. Э.* Вопросы сравнительно-исторической фонетики албанского языка. I—III. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1982), а **edō* с выпадением начального безударного **e*. Ср. далее отглагольное рег. *hae*, *hë* 'еда' < **odā*.
- ¹⁴ См.: *Иванов Глаг.*, 185.
- ¹⁵ См.: *Pedersen H.* Zur tocharischen Sprachgeschichte. København, 1944, 43; *Van Windekens A. J.* Le tocharien confronté avec les autres langues indo-européennes. I. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976, s. v.
- ¹⁶ См.: *Çabej E.* Nyrje në historinë e gjuhës shqipe. Fonetika historike e shqipes. Prishtinë, 1960, passim; *Mann S. E.* The Indo-European Consonants in Albanian. — Language, XXVIII, 1952, 33—35.
- ¹⁷ См.: *Нанр Э. П.* Evidence in Albanian. — In: Evidence for Laryngeals. London—The Hague—Paris, 1965, 123—144. Следы ларингалов в албанском постулируются также в работе *Minshall R.* Initial voiced laryngeal plus */y/ in Albanian. — Language, XXXII, 1956, 627—632.
- ¹⁸ См.: *Хэмп Э.* Miscellanea. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, 269—270.
- ¹⁹ Ср.: *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. A—K. Paris, 1968, 18.
- ²⁰ *Герценберг Л. Г.* Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций. В кн.: Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979, 45; *Он же.* Вопросы реконструкции индоевропейской

- просодики. Л., 1981, где см. подробный разбор ряда хеттских параллелей к албанским словам, используемым Э. Хэмпом.
- ²¹ См.: *Mann Dict.*, 133; *Buchholz O., Fiedler W., Uhlisch G. Wörterbuch Albanisch-Deutsch.* Leipzig, 1977, 163.
- ²² Подробно об этом префиксе см.: *Ххирани А., Çabej E. Parashitesat e gjuhës shqipe.* — *Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqërore,* 1957, № 4.
- ²³ См.: *Schwyzler E. Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik.* München, I, 1939, 651 (исключения типа *ékadεζόμυ* '(я) сел', имперфекта от *καδέζομαι* '(я) сажусь' безусловно являются вторичными и поздними). Об аугменте в индоиранском см.: *Барроу Т. Санскрит.* М., 1976, 283—284; *Reichelt H. Awestisches Elementarbuch.* Heidelberg, 1909, 93—94. Данные армянского языка, в силу действующих в нем правил функционирования аугмента, в интересующем нас плане непоказательны.
- ²⁴ Помимо известных примеров обращает на себя внимание фриг. *ΕΝΕΡΑΚΚΕΣ* с не ясным до конца значением, в котором предполагается как раз последовательность префикса *en и аугмента, см. *Нерознак В. П. Палеобалканские языки.* М., 1978, 99. Альтернативные (и, в целом, не менее правдоподобные) объяснения М. Лежеца и О. Хааса см. там же.
- ²⁵ Роль супплетивизма в этом глаголе напоминает аналогичные отношения арм. *utem* '(я) ем' — *eker* '(я) ел', о чем см.: *Pisani Saggi*, 110; вслед за ним: *Иванов В. В. Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков.* — В кн.: *Balkanica.* . . , 59.
- ²⁶ См.: *Конечкая В. П. Супплетивизм в германских языках.* М., 1973, 55. Об аналогичных процессах в германском глаголе бытия см. Сравнительная грамматика германских языков. М., IV, 1966, 421—423.
- ²⁷ См.: *Cimochowski W. Recherches sur l'histoire de sandhi dans la langue albanaise.* — LP II, 1950, 220—255.
- ²⁸ *Mann S. E. The Indo-European Consonants in Albanian.* — *Language*, XXVIII, 1952, 32.

Г. А. Климов

ЕЩЕ ОДНА ИНДОЕВРОПЕЙСКО-СЕМИТСКО-КАРТВЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Не будет, вероятно, преувеличением сказать, что поиски индоевропейско-семитско-картвельских лексических параллелизмов, обусловленных ареальным взаимодействием древних представителей этих языковых семей в Передней Азии, превратились в последние два десятилетия в одно из интереснейших направлений сравнительного исследования, значение которого обещает выйти далеко за пределы языкознания. В ряде работ были уже отмечены картвельские соответствия индоевропейским и семитским обозначениям таких реалий и понятий, как 'вино', 'канал', 'ярмо', 'серебро', 'жертвоприношение', 'лев', 'запирать' > 'ключ', 'шесть', 'семь' и др. В настоящей заметке обращается внимание еще на одну подобную параллель, отражающую культурные контакты носителей этих языков в древности, констатация которой была по существу уже давно подготовлена сопоставлениями, предлагавшимися в рамках соответствующих отраслевых литератур.

Как известно, еще с именем Н. Я. Марра связано обнаружение